

ОТКРОВЕНИЕ | Он всегда считал, что музыка — язык Господа

Кредо Алексея Калабухова

РИТА ДАВЛЕТШИНА

Один из самых ярких диджеев популярного на сломе веков радио «Люкс» Алексей Калабухов кайфовал на работе. Видели бы вы, как он катался на кресле по эфирной в наушниках и тряс головой под песни любимых рокеров, изображая игру на бас-гитаре или ударных!

Потом он стал продавцом-консультантом в музыкальном магазине, умудрившись даже эту, казалось бы, скучную работу превратить в удовольствие для покупателей, которые приходили потом только для того, чтобы поговорить с Калабуховым о музыкальных новинках. Был бас-гитаристом в известной рок-группе «Мэд-Ви». До сих пор ведёт крупные городские музыкальные тусовки — к примеру, «Магнитную бурю». Работает специалистом по связям с общественностью хоккейного клуба «Металлург», где тоже чувствует себя на своём месте. Словом, он умеет во всём находить кайф, щедро дарить его окружающим. И в то же время абсолютно серьёзен — где-то даже ортодоксален — в отношении жены, дочери и семейных обязанностей.

— На «Люксе» ты отвечал за рок. Считал себя самым крутым?

— (Смеётся). Я такими категориями не мыслю. Всегда считал, что музыка — язык Господа, и хотел поделиться этим чудом. Другое дело, тогда мне было двадцать четыре, и я жил максималистски, не терпя возражений. Так ведь молодость не приемлет полутонов.

— К сожалению, нынешней молодежи не известен такой феномен, как радио «Люкс».

— Зато наши ровесники и те, кто старше, до сих пор тоскуют по нему. У нас не было жёстких понятий: «формат», «менеджмент». «Люкс» было такой вольницей, где каждый творил для себя, получая удовольствие и даря его другим. Саша Яковлев, Наташа Тимеева, Олеся Сафронова, Юлия Борисова, Оля Чернова — каждый имел свой вкус, не стеснялся проявлять его в эфире, а потому у всех была куча поклонников. «Люкс» прочно занимало свою нишу и было противоположным полюсом другому радио — MRC. Вот там были чёткие рамки и строгий плей-лист. И до сих пор не могу сказать, что лучше: чёткая структурированность или творческая анархия «Люкса».

— «Люкс» любил больше, мне кажется.

— Потому что мы были ближе к народу, и двери наши были открыты, тогда как на MRC за закрытой дверью сидел охранник. Каждый житель Магнитогорска нам мог позвонить и попросить поставить любимую песню. Кстати, этой доступности сегодня очень не хватает местным станциям. Нас, как Леонида Якубовича в «Поле чудес», задаривали солёными огурцами, вареньем и пирожками, а в конце ночной смены к дверям радио приезжали десятки машин, чтобы подвезти любимых диджеев до дома.

— Сердце кровью обливалось, когда «Люкс» закрыли?

— Немного покоробило, что всё случилось резко и не совсем красиво. К счастью, я ушёл раньше и финала не видел. И вообще, все мы — фрагменты в жизни друг друга. Был этап — сошлись, пришло другое время — разбежались своими дорогами.

— Одни живут воспоминаниями, считая прошлое лучшими годами.

Другие уверены: лучшее, конечно, впереди. А ты?

— Посередине: с трепетом отношусь к прошлому, но особо не заморачиваюсь из-за того, что всё кончилось. Было — спасибо, извлёк опыт, оброс интеллектуальным мясом — и пошёл дальше.

— Помню, отборной нецензурщины ты крыл попу, когда был вынужден ставить её в эфире. Сейчас более сдержан?

— (Смеётся). Безусловно. Вывел формулу: музыка — как женщина, у каждой свои формы и каждая имеет почитателей. Попробуйте мне объяснить, что моя жена не самая красивая в мире. Возможно, объективно — да, но по мне — лучше нет. Музыка — всего лишь семь основных и пять дополнительных нот, расставленных в определённой последовательности и подогнанных под определённый темпо-ритм. Чем, по большому счёту, отличается Киркоров от «Металлики»? — ничем, кроме этой последовательности и чисто технических моментов. Просто одна последовательность нот попадает в одну душу, другая — в другую. Правда, до сих пор в сердцах могу сказать: ну как ты можешь слушать такую ерунду?

— За новинками в музыке следишь или, поменяв профессию, остался со старыми кумирами?

— Нет, открываю новых исполнителей. Другое дело, все они исповедуют ту музыку, которую люблю, так что мне легче. Оставшись в своём русле, лишь отслеживаю новинки. К примеру, мои любимые AC/DC уже не могут играть так ярко, как делали это двадцать лет назад. Рок — музыка молодых и бескомпромиссных. Сейчас в Австралии появилась группа Airbourne — мощный хард-рок в стиле AC/DC, но молодой, сделанный с помощью современных технологий.

— Но достигнут ли они той же славы? Время рока, кажется, прошло...

— Это невозможно: бриллиант и через тысячу лет останется бриллиантом.

— Менделееву в честь открытия периодической таблицы царь даровал кружку из алюминия — драгоценнейшего металла в то время. А сегодня из него даже кастрюли не делают...

— «Роллинг стоунз» лет шесть назад собрала на своём концерте на пляже Копакабана два с половиной миллиона человек.

— А в Магнитогорске легенды рока не собрали и половины зала.

— Это специфика города: к сожалению, культура посещения концертов здесь только формируется, а пока людям важнее, сколько стоек лежит в их холодильнике. Я бы предпочёл съесть гарнир и остаться без стейка, но сходить на концерт и увидеть своими глазами Криса Слэйда.

— При всём его величии, он уже сбитый лётчик. Другие в Магнитогорск не приезжают, увы.

— Но Roxette ведь придет! Седьмого числа нас ждёт грандиознейшее шоу по сей день культового коллектива, который гастролирует по всему миру! Всего одиннадцать крупнейших городов страны, и Магнитка — в их числе. После нас шоу увидят Эстония, Литва, Финляндия, Новая Зеландия и Австралия. Ну ведь круто!

— По паспорту тебе сорок один год. А в душе?

— Сказать, что двадцать — слухавлю, поскольку мыслью уже другими категориями. Но и не сорок. Встре-

чаюсь с ровесниками, которых не видел много лет, и вижу в них дядек, а я — ещё нет. У них огонь погас внутри, а я свой хлю, лелею и подкидываю в него дрова, потому что очень боюсь, что он погаснет. Рад своей готовности воспринимать всё новое, это — очередные дрова в топку. И ещё — умению радоваться мелочам и находить удовольствие даже в рутине.

— Например?

— (Задумывается). Пару лет назад летом еду на работу. Захожу в маршрутку — передо мной сидит потрясающей красоты девушка. В ней прекрасно всё — от глаз и точёной шеи с тонкой ниткой жемчуга до шорт и босоножек. В будний день в обычной маршрутке я увидел произведение Господа. Разве не чудо?

— Лёш, может, просто в то время твоя дочка была совсем маленькой, жена занималась ею и уделяла тебе меньше внимания?..

— В этом не было ни капли вождения, поверь. Я смотрел на неё как на произведение искусства. И это касается не только женщин: каждый день жизнь дарит какие-то «ништячки», которые

могут осчастливить тебя хотя бы на день. Просто открой глаза и увидь это. Красивая женщина, вкусное блюдо, новое слово дочери, удачный или неудачный, но энергетически наполненный хоккейный матч — всё это пазлы твоей жизни, которые создают полноту и придают окраску. Или работа: представь, что до тридцати девяти лет я ни разу не видел хоккей и, честно говоря, считал его поклонников, мягко скажем, бездельниками. Но стоило мне раз попасть на «живой» хоккей — и я «опух» от энергетики. Оказалось, что это богатейший интересный мир. Сейчас я — болельщик до тряски, после матча уснуть не могу! Для меня хоккей по энергетике сродни рок-концерту по честному выплеску эмоций и болельщиками, и игроками. Брутальный, мужской вид спорта.

— Считается, что рокеры — люди не семейные.

— Просто женщина, способная укротить рокера, — редкость. Мужчин вообще терзают страсти, будь то охота, хоккей или даже коллекционирование. Заметь: среди нумизматов, филателистов с мировым именем нет ни одной женщины! Женщине вовсе не обязательно разделять мужские страсти, главное, принять их вместе с мужчиной. Моя жена, несмотря на то, что младше меня на восемь лет, на многое открыла мне глаза, причём очень деликатно. Кстати, та же теория семи нот — от моей Маши.

— С удивлением узнала, что ты — сын актрисы театра Пушкина Татьяны Баштановой.

— Я отпрыск актёрской семьи, а жизнь актёров — сплошные переезды в поисках своего режиссёра. Родители познакомились в Армавире, родился я в Барнауле, а в четыре года меня привезли сюда. Через год семья распалась, отец уехал, а я остался с мамой в Магнитогорске. Мама у меня остра на язычок, прямолинейна и воспитывала меня, скажем так, строго — не миндальничала особо. Думаю, стыдиться ей нечего — она хорошо меня воспитала.

— Было ли время, когда ты мог пойти по кривой дорожке?

— Да конечно, но мамуля это вычисляла быстро. Ярчайший педагогический пример «из моей мамы»: в шестнадцать лет я забредил собакой, и мы купили ротвейлера. Мама пошла на это сознательно: чтобы не балбесничал, вот тебе живое существо — заботься. Так я вполне серьёзно, без

доли иронии под мамину диктовку писал расписку: я, Алексей Калабухов, обязуюсь ухаживать, убирать, выгуливать, кормить и всё прочее. Особенно хороша была последняя фраза: если нарушу обязательства, то тем самым распишусь в том, что я несостоявшаяся личность.

— Ты уже приготовил педагогические методы для своих детей?

— У меня доча, на подходе другая — в декабре ждём пополнения, а с женщинами всё иначе. Я, кстати, всегда хотел дочь и считал, что сын, наследник и продолжатель фамилии — стереотип. Отец проявляется ярче именно по отношению к дочери: в мужчине подсознательно заложено стремление заботиться о женщине, а тут женщина маленькая — это вдвойне забота. Так что быть отцом дочери — удивительно.

— Знаю, что ты присутствовал на родах. Это осознанный шаг или жена уговорила?

— Моя инициатива. Вместе začали ребёнка, «выносили» беременность, потому вполне логично, что на финальной стадии — тоже вместе. Готовился серьёзно: посещал курсы, читал книги, овладевал методиками дыхания, облегчения страданий и всего прочего. Словом, на роды шёл мужчина — хозяин ситуации, который будет всем рулить (смеётся). Через два часа процесса я понял, что все мои методики и смелость летят в тар-тарары. Не работает ни-че-го, и ты со всем своим самомнением становишься полным нулём, который может только принести водички, помассировать и поддержать руку, а всё остальное — в руках всеокрушающих сил природы. Всем советую идти на партнёрские роды. Семья — это создание общих традиций и совместная деятельность. И ничто не сближает мужа и жену так, как рождение их общего ребёнка.

— А как же мнение, что мужчинам после «того» жена становится не интересна как женщина?

— Чувш! Кстати, самого процесса вам никто не покажет — вы будете стоять у изголовья, и неловкий ракурс будет недоступен. Моей дочке было двадцать минут, когда я взял её на руки.

— Честно: плакал?

— Нет, но меня «торкнуло» сильно. Я без ума от собственной дочери и наслаждаюсь отцовством. Наверное, я не такой хороший отец, как хотелось бы, не хватает особой фантазии играть с ребёнком, но мне это в кайф.

— Иван Охлобыстин как-то изрёк: «Если ты женился и тут же побежал налево, ты либо неудачник, либо дебил».

— Я к супружеской верности отношусь свято — так должно быть. Иначе зачем всё это? И потом, стрёмно обманывать, оправдываться, юлить, выдумывать легенды — перед самим собой.

— Твоя жена, кажется, кандидат наук?

— Причём стала им в двадцать пять лет. Для меня это несомненная гордость. Хотя для неё, по моему, ерунда.

— Есть для тебя в доме «не мужская работа»?

— Нет. Хочешь есть —

встань и приготовь, ты же хочешь! И грязная одежда — твоя, женщина не должна тебя обслуживать, она не для этого тебе дана в жёны.

— С другой стороны: «Хочешь шубу — пойд и заработай»?

— Тут уж зависит от мужа: его щедрости и желания сделать приятное своей женщине, но по большому счёту — да. Никто не должен соответствовать твоим требованиям и желаниям, в том числе насчёт шубы. Я бы, наверное, поднапрягся и купил Маше шубу, но она считает шубу и бриллианты пошлостью. Можно сказать, мне в этом повезло (смеётся). У нас практически одинаковые вкусы в одежде, оба, например, не любим золота. И дочка у нас не в бантиках.

— А как же кукла, принцесса?

— Это всё украшательство, и это ты делаешь, по большому счёту, для себя. Неудобно ребёнку в бантиках, ободках и крахмальных платицах. Он должен бегать, падать и пачкаться, а мамы — спокойно к этому относиться, а не грохаться в обморок от испорченного наряда. Мы вообще спартанские родители: в детской температура не выше двадцати градусов, никаких ковриков, носочков и тапочек. Иммунную систему надо формировать сразу, чтобы потом, когда дочь пойдёт в садик, была готова к натиску бактерий извне. А тепличный ребёнок приговорён к вечным болезням.

— Пожелаешь чего-нибудь читателям?

— (Задумывается). Умения радоваться мелочам. Это делает жизнь ярче и счастливее. Вот сегодня пообщался с тобой — это такой «ништячок»! Сто лет, по-хорошему, не виделись... ☺

P.S. Я же в свою очередь пожелаю семье Калабуховых, которая вовсе не против стать многодетной, третьего ребёнка — сына. Чтобы ещё одним настоящим мужчиной стало больше.

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХЛАЕВ

Музыка — как женщина, у каждой свои формы и каждая имеет почитателей